

Ален Делон

Ан. Макаров

Сначала одно личное наблюдение. На парижских улицах лет пятнадцать тому назад автору нередко встречались молодые люди, похожие на Алена Делона. Почему-то сразу сделалось понятно, что дело тут не в подражании только что взошедшей звезде, а в распространенности его (то есть Алена Делона) физическо-го типа во Франции. Разумеется, красотами с тонкими сосредоточенными лицами не попадались на каждом шагу, но нечто сразу узнаваемое, «делоновское» сквозило то и дело и в студенте, присевшем на

субтильный гнутый стульчик в Люксембургском саду, и в солдате, снявшем с головы в вагоне метро берет с кожаным раздвоенным хвостиком, и в рабочем, который с французской обстоятельностью завтракал в уличном бистро, заливая продолженный ветчиной батон неизменным красным вином. Замечать, улавливать это внезапное сходство было и удивительно и приятно. Будто с тонкими сосредоточенными лицами не попадались на каждом шагу, но нечто сразу узнаваемое, «делоновское» сквозило то и дело и в студенте, присевшем на

Но вот странная вещь: эта самая типичность, распространенность внешнего облика знаменитого артиста в его стране не сообщали образами Делона, когда потом ты их видел на экране, ни малейшего признака народности. Проще говоря, интригуя тебя, приковывая к себе взор и мысли, овладевая на время твоим сознанием, эти образы не очаровывали тебя, не становились тебе лично близкими. Ты не отождествлял себя с ними, а это неизбежный почти эффект истинности актерского существования на экране. Между тобой, доверчивым зрителем, и героями Алена Делона постоянно ощущался некий зазор, несомненное отчуждение. Может быть, и по-прежнему весь секрет в том же личном восприятии?

Вот тут приходит на ум одно соображение, не связанное непосредственно с кинематографом. Замечали ли вы, что классическая французская литература в отличие от русской, скажем, не так уж часто настаивает на том, чтобы переживания героя вызывали в нас соответственные душевные движения, чтобы духовная его сущность отвечала нашему нравственному чувству. Растиньяк, Люсьен де Рюбапре, Жорж Дюруа, даже Жюльен Сорель в известном смысле — страстные, одаренные, честолюбивые молодые люди и при этом эгоцентричные до крайности, как-то органически вне нравственные. Тут не о вульгарной бессовестности речь, не о грубом бессердечии, но о каком-то постоянном внутреннем холоде, закрытом сердце. О расчетливости, настолько убежденной и вдохновенной, что как бы даже оттененной подобной искренностью и способной вызвать уважение. Не

эту ли ветвь французской культурной традиции развивают герои Алена Делона? Вспомни, как начинал он в фильмах Антониони, Клемана, Висконти. Как глубокие эти мастера уловили в красоте молодого актера поразительное отсутствие теплоты и лиризма, а в спортивной его подтянутости, в «десантной» тренированности угадали особую пренебрежительную элегантность манер, почти аристократическую свободу поведения. В картине Антониони «Затмение» Делон сыграл поистине героя

новойшего буржуазного времени, молодого биржевого маклера, чья смелость и неиссякаемая энергия обескураживают бывалых волков бизнеса, человека всерьез одержимого и в одержимости этой прекрасной, если отключиться на секунду от предмета этой страсти, от цели такой отваги, от смысла данного вдохновения — от денег. Понятно, почему именно подобный актер понадобился социальному психологу Антониони: сдержанный даже в чувственном порыве, способный самим собой облагородить самую жесто-

кую алчность и, облагородив, с особой достоверностью обнажить выжженность этой очарованной живой души. Чуть раньше Алел Делон снялся в фильме Рене Клемана «На ярком солнце», придав этой мастерски сделанной, однако же в меру банальной истории черты высокой драмы, напоминающей о героях Достоевского и Камю, о «человеке из подполья», снесаемом честолюбием, мучительной душевной изжогой. Что из того, что герой Делона в отличие от забитого петербургского чи-

новника силен и хорош собой, что за нужда, что не в углях Васильевского острова разворачивается действие, а под благословенным солнцем Италии, в прелестных ее приморских городах, — герой все равно унижен и оскорблен своим положением секретаря и приживалы при богатом бездельнике, положением тем более невыносимом, что хозяин относится к нему как к другу, — хороша дружба! Невыносима взаимная, счастливая любовь хозяйина и прелестной, умной девушки, нестерпима великолепная принужденность этих людей, какую различие, даже красивый, даже одаренный от природы, может лишь изображать, имитировать. Низкая душа исполняется великой страстью. Или, наоборот, тонкая натура, способная на высокое чувство, охвачена мучительной завистью. И зависть эта реализуется с методическим хладнокровием, которым отмечен характер всех без исключения героев Делона. Корректный исполнительный секретарь, ни разу даже в угаре дружеской пирушки не переступивший грани, отделяющей господина от слуги, убивает своего хозяина. Но не для того, чтобы самоувердиться, проверить, человек он или «тварь дрожащая», и уж не за тем, чтобы хотя бы в мыслях облагодетельствовать человечество, просто с расчетом завладеть хозяйским богатством и хозяйской возлюбленной, чтобы стать на хозяйское место. Тут уж знамение времени, иначе не скажешь. «Человек из подполья» бунтует не ради идеи, а для того, чтобы сделаться господином и самому потом унижать других. С какой методичностью бунтует, с какой изобретательной обстоятельностью!

Делон, как и многие замечательные актеры, предельно достоверен на экране. Но едва ли не впервые эта покоряющая, завораживающая достоверность экранного бытия служила не раскрытию мятущейся души, не моральному подвигу противоборства с миром, она убеждает нас в подлинности, в обыденности, почти в необходимости преступления. В том, что это наиболее целесообразный и верный вызов обществу, самый закономерный способ

личности осуществить себя. Подделывание документов, уничтожение улики, талантливое соблазнение чужой женщины — сколько раз будет Алел Делон заниматься этим на экране! Не заурядный уголовник изображая, но, так сказать, мыслящих преступников. Философов грабежа и налета, отлично воспитанных, читающих, может быть, и Сартра и Камю и в силу этой общей своей образованности и «возделанности», как говорят французы, более беспощадных, нежели обыкновенные бандиты.

У крупного киноактера, в каких бы разнообразных ролях ни приходилось ему сниматься, нередко выстраивается от фильма к фильму единая творческая тема, навверняка обнаруживается та самая сквозящая «дуда», в которую он и «дудит» всю свою жизнь. (По ней-то, между прочим, то есть по приверженности к одному психологическому типу, к одному типу воровской художника чаще всего и узнают.) Что же Алел Делон? Какова его мелодия? Бунтари встречались среди его персонажей, клас-

сической французской традиции он тоже отдал дань, неприкаянность поколения, мучавшего между окончанием вьетнамской авантюры и началом «грязной войны» в Алжире, тоже отразилась в его работах. И все же истинным его героем чаще всего оказывался современный индивидуалист, бросивший вызов обществу лишь с целью занять в нем более двояколучное место, человека с двойным дном и двойной моралью, вечный оппортунист, настолько дерзкий и азартный, что азарт этот зачастую его подводит.

герой по такой степени увлекается самой игрой, непосредственно гонимой за удачей, что подчас останавливается, покуда не догонит его пуля соперника или не остановит железная рука закона, пока не откажет на бегу, на пределе автомобильной скорости его сердце. В великодушном пробеге по улицам красивейших городов мира, по залам новейших аэропортов и лестницам знаменитых дворцов все отчетливее слышится одышка, короткая, с хрипотцой, с сердечным перебоем. И взгляд истерического победителя жизни время от времени настораживает предельно смертельной тоской.

Делон большей частью снимается теперь в ролях полицейских и гангстеров, авантюристов и одиноких смельчаков. В одних лентах преследует он, в других преследуют его. Коммерческий кинематограф, как это уже случалось не раз, приручает и осваивает крупную актерскую индивидуальность. И опять же, как это часто бывает, истинная личность художника оказывается возможности заставляет взглянуть по-новому и традиционную тему артиста углубляет и усложняет. Сквозь

подлинность присутствия Делона на экране, аутентичность его существования в роли сообщают каждой его картине внезапную холодящую настораживающую серьезность. Сквозь игру просвечивает жизнь во всей ее будничной беспощадности.

В большом политическом фильме А. Алова и В. Наумова «Тегеран-43» Алел Делон занят, по существу, лишь в нескольких эпизодах. Однако каждый проникнут той самой волнующей, беспокоящей подлинностью, о которой шла речь. Это свойство актерского дарования знаменитого француза наполнено здесь особым смыслом. Не с обычными гангстерами воюет на этот раз комиссар парижской полиции Фох, на свой страх и риск он бросил вызов подпольному клану международного фашизма. В этой необъявленной войне он гибнет как демократ, как защитник справедливости и свободы, гуманизма и обыкновенной человеческой порядочности. Сраженный пулей террориста, он падает на парижский бульвар, усыпанный желтыми ладонями каштанов, на те самые святые камни, на которых вот так же умирали другие демократы, борцы и бойцы французских революций.